

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ВОЗНИК, ЧТО ОЧЕВИДНО, В РЕЗУЛЬТАТЕ УРБАНИЗАЦИИ. ПОСЛЕДНЯЯ ПРОКАТИЛАСЬ ПО ЗЕЛЕНЫМ ОКРЕСТНОСТЯМ ГОРОДОВ, СОЗДАВ СТРАННЫЕ, НЕВИДАННЫЕ В ИСТОРИИ, ПРОСТРАНСТВА – ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ЗОНЫ, УСТАРЕВШИЕ МЕНЕЕ ЧЕМ ЗА 100 ЛЕТ. ИХ ЗАПУСТЕНИЕ И БЕЗЫСХОДНОСТЬ, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ У ТАРКОВСКОГО, ПОСТЕПЕННО УСТУПАЮТ МЕСТО КОММЕРЧЕСКОМУ ОЖИВЛЕНИЮ. В ДАННОМ КОНТЕКСТЕ ГИГАНТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕТЕРБУРЖСКОГО «СЕРОГО ПОЯСА», ОТДЕЛЯЮЩЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ОТ ЖИЛЫХ РАЙОНОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА, ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ САМЫМ МАСШТАБНЫМ ПОЛЕМ ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТА. НА СЛЕДУЮЩИХ СТРАНИЦАХ ПОМЕЩЕНЫ МАТЕРИАЛЫ КОНКУРСА «СЕРЫЙ ПОЯС. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ», ПРОВЕДЕННОГО КГА, А ТАКЖЕ ДВУХ ВОРКШОПОВ СО СХОЖЕЙ ТЕМАТИКОЙ. В ЗАКЛЮЧЕНИЕ – ПРИМЕР ОСУЩЕСТВЛЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОСТРОВ НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ.

URBAN LANDSCAPE CLEARLY OWES ITS EXISTENCE TO URBANIZATION. URBANIZATION SWEEPED OVER THE GREEN ENVIRONS OF CITIES, CREATING STRANGE SPACES WHICH HAD NEVER BEFORE BEEN SEEN IN HUMAN HISTORY – INDUSTRIAL ZONES WHICH SUBSEQUENTLY BECAME OBSOLETE OVER THE COURSE OF LESS THAN 100 YEARS. THEIR DESOLATION AND HOPELESSNESS, QUALITIES WHICH WERE CAPTURED BY TARKOVSKY, ARE GRADUALLY GIVING WAY TO COMMERCIAL VITALITY. IN THIS CONTEXT THE GIGANTIC SPACE WHICH COMPRISES ST PETERSBURG'S 'GREY BELT' AND DIVIDES THE CITY'S HISTORICAL CENTRE FROM RESIDENTIAL DISTRICTS ERECTED IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY, SEEMS A VAST FIELD IN WHICH TO EXPERIMENT. IN THE FOLLOWING PAGES WE PUBLISH ENTRIES FROM *TRANSFORMING THE GREY BELT*, THE COMPETITION HELD BY ST PETERSBURG'S COMMITTEE FOR URBAN PLANNING AND ARCHITECTURE, AND MATERIALS FROM TWO WORKSHOPS ON SIMILAR THEMES. THESE ARE FOLLOWED BY AN EXAMPLE OF AN ALREADY REALIZED TRANSFORMATION PROJECT INVOLVING THE ISLAND OF NOVAYA GOLLANDIYA.

«ВСЕ УЧАСТНИКИ ПОКАЗАЛИ “ТРЕТИЙ ПЕТЕРБУРГ”». ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДИМИРОМ ГРИГОРЬЕВЫМ / “ALL THE ENTRANTS SHOWED A ‘THIRD PETERSBURG’ ”. INTERVIEW WITH VLADIMIR GRIGORYEV

интервью: Владимир Фролов
фото: Алиса Гиль

В сентябре были подведены итоги международного закрытого архитектурно-градостроительного конкурса на концепцию преобразования исторического промышленного «серого пояса» Санкт-Петербурга – «Серый пояс. Преобразование». Конкурс был организован КГА при содействии журнала «Проект Балтия». Спустя месяц главный архитектор Петербурга и председатель КГА Владимир Григорьев поделился своими впечатлениями от полученных работ, а также рассказал о перспективах развития промышленных территорий города и судьбах петербургской архитектурной школы.

Владимир Анатольевич, ответили ли конкурсанты на поставленные задачи? Работы соответствовали вашим ожиданиям?

В целом да, хотя я был поражен, насколько авторы увлеклись макроуровнем, градостроительством. «Земцов, Кондиайн и партнеры» и «Яузaproekt», например, фактически работали с целым городом. Откровенно говоря, я полагал, что мы увидим больше средних примеров застройки. Именно с этим расчетом мы давали ограничение «30/30/40», касающееся функционального зонирования территорий. Мне нужна была архитектурная поддержка данной формулы. «Серый пояс» должен сегодня стать

Владимир Григорьев – главный архитектор Санкт-Петербурга, председатель КГА Vladimir Grigoryev is Chief Architect of St Petersburg and Chairman of the KGA

interview: Vladimir Frolov
photos: Alisa Gill

September brought the results of *Transforming the Grey Belt*, the closed international architecture and urban-planning competition to devise the concept for transforming St Petersburg's 'grey belt'. The competition was organized by St Petersburg's Committee for Urban Planning and Architecture (KGA) with help from *Project Baltia*. A month later, Vladimir Grigoryev, Chief Architect of St Petersburg and Chairman of the KGA, shared his impressions of the competition entries and discussed with us prospects for development of the city's industrial areas and the Petersburg school of architecture.

Vladimir Anatolievich, did the competition entrants answer the brief? Did the entries meet your expectations?

In general, yes, although I was amazed at the extent to which the authors got carried away with the macro level, with urban planning. Zemtsov, Kondiayn, and Partners and Yauzaproekt, for instance, in effect worked with the entire city. To be frank, I thought we would see more instances of contextual development. That was why we set a constraint of 30/30/40 for the functional zoning of the territories. I was looking for architectural reinforcement of this formula. It is clear, of course, that the historical city cannot be surpassed – and there's no need to even try; however, in the 'grey belt' we are quite capable of ensuring comfortable integral conditions for those who spend their time there, comparable with the conditions which exist in the city centre. There should be plenty of opportunities for cultural development, sport, and entertainments. The entries for the competition demonstrated these opportunities, even if not in full measure. Given the limited time and funding available, I think we got some fine results.

Would you say that the competition produced some breakthrough ideas? Or were the results predictable from the conceptual point of view?

The project by Studio 44 could undoubtedly be called conceptually interesting. The jury preferred the proposals from MLA+, although I was of a different opinion: I thought the Dutch team's proposal was more about behavioural scripts for

новой средой Петербурга, отличной от того, что создавалась в последние десятилетия. Понятно, что исторический город превзойти невозможно и не нужно, однако в «сером поясе» мы в силах обеспечить интегрально-комфортные условия пребывания, сопоставимые с условиями в центре. Здесь должно быть много возможностей для культурного развития, спорта и развлечений. Работы участников хотя и не в полной мере, но показали эти возможности. Считаю, что в условиях ограниченных сроков и финансирования мы достигли прекрасного результата.

Были ли, с вашей точки зрения, на конкурсе какие-то прорывные идеи? Или результаты оказались в концептуальном плане ожидаемыми?

Несомненно, очень интересным в концептуальном плане можно назвать проект «Студии 44». Жюри отдало предпочтение MLA+, хотя я высказывал иное суждение: на мой взгляд, голландцы предложили в большей степени поведенческие сценарии для пользователей территории, чем собственно архитектурно-градостроительные решения. Это, конечно, демонстрация европейского подхода. У норвежской студии Transborder, кстати, тоже применен подобный принцип – я бы это назвал демократией в архитектуре. Между тем архитектура, уж Петербурга точно, – на мой взгляд, явление, в корне почти противоположное демократии, поскольку изначально определяется регулярностью и порядком, а значит, соподчиненностью.

Помог ли конкурс лучше увидеть проблемы «серого пояса» и продвинуть идею его преобразования на уровне города?

Думаю, да. Мы планируем начать обсуждение проблематики «серого пояса» со всеми ветвями исполнительной власти. Думаю, нам удалось ярко и наглядно заявить тему, что побуждает все заинтересованные силы к действию.

В ходе конкурса прошел ряд ознакомительных семинаров, в процессе которых участники выезжали на места проектирования, имели возможность познакомиться с территориями и некоторыми стейкхолдерами. Проявили ли последние стремление к преобразованию среды на принадлежащих им участках и в «сером поясе» в целом?

Владельцы ряда объектов на территориях «серого пояса» продемонстрировали большой интерес, и мне говорили, что некоторые архитекторы уже проговаривают с ними варианты преобразования фрагментов территорий. Конечно, владельцы спрашивают в первую очередь, сколько тут можно возвести жилья... Поэтому нам сейчас важно понять, как правильно определить политику работы с застройщиками. Здесь не должны возникнуть такие же новостройки, какие появляются на месте некоторых бывших сельхозугодий.

Есть ли, в этом смысле, инструменты ограничения застройщиков? Надо сказать, что в ряде проектов сами архитекторы предложили довольно радикально расчистить территорию...

Если владельцы готовы территорию расчистить и создать зеленые зоны, мы возражать не будем. Но если говорить о скорейшем намерении всё застроить жильем, то у нас пока, к счастью, есть территориальное зонирование. И большая часть территории соответствует изначальной – промышленной – функции. Это инструмент, при помощи которого мы можем удержать самодеятельность в неких рамках. Он, конечно, не отменяет необходимости создания нового механизма для преобразования территории. Здесь немало и госпредприятий; в частности, есть мукомольный

Участники конкурса исследуют территории проектирования на ознакомительных семинарах, организованных КГА. Пекка Хелин и Елизавета Паркконен (Helin & Co). «Пилотная» территория «Екатерингоф» Participants in the competition study the planning areas at introductory seminars held by the KGA. Pekka Helin and Elizaveta Parkkonen (Helin & Co). Yekaterinogf pilot area

users of the territory than architectural and urban-planning ideas proper. This, of course, is a European approach – an approach also employed by Transborder Studio (Norway), incidentally. I would call it democracy in architecture. And yet architecture – the architecture of St Petersburg, at any rate – is, in my opinion, a phenomenon which is fundamentally opposite to democracy, since it is from the beginning determined by regularity and order and therefore by subordination.

Did the competition help put the problems of the 'grey belt' in focus and promote the idea of its transformation at the level of the city?

I think so. We plan to start discussing the problems of the 'grey belt' with all branches of executive power. I think we managed to announce this theme in a vivid and striking manner, which should inspire all interested parties to take action.

During the course of the competition there was a series of introductory seminars, during which the participants took trips to the competition sites and had a chance to get to know the sites and some of the stakeholders. Have the latter shown a desire to transform the environment on the plots which they own and in the 'grey belt' in general?

The owners of a number of structures in the 'grey belt' have shown considerable interest and have told me that there are architects who are already talking over with them possibilities for transforming parts of these sites. Of course, the first question the owners ask is how much housing can be built here...So it's now important for us to understand how to set our policy for working with developers. Here is no place for the kind of gigantic residential complex we see being built on some of our city's former agricultural land.

Are there instruments that can be used to restrict developers? It has to be said that in a number of projects the architects themselves proposed clearing the site in a fairly radical fashion...

If the owners are ready to clear the site and create green zones, we shall have no objection. But if we're talking about plans to cover the entire site with housing, then, fortunately, we still have territorial zoning. And the larger part of the site is in keeping with its initial – industrial – function. This is an instrument which can be used to restrain people's enthusiasm for doing things off their own bat. Of course, it does not cancel the need to create a new mechanism for transforming the site. Here there are a fair number of state enterprises – including a flour-mill (in the French Trough pilot area), which we are currently looking for ways of converting. In general, what we're talking about is evacuating harmful production from the 'grey belt' and

«Пилотная» территория «Французский ковш» French Trough pilot area

завод («пилотная» территория «Французский ковш») – мы ищем сейчас возможности для его перебазирования. В целом, речь идет о выводе вредных производств из «серого пояса» и частичном их замещении невредными индустриями. В смысле фиксации фабричной функции и придания ей современного звучания особенно интересен упомянутый проект «Студии 44», где остается железнодеревянный каркас, предполагающий возможность продолжения работы производств. Важно и то, что у Никиты Явейна выделены отдельные участки, замкнутые друг на друга в некоем функциональном цикле. Это позволяет реализовать стадиальный подход к преобразованию «серого пояса».

Премии конкурса были присуждены трем командам, а не одной, то есть не было Гран-при. С чем связано такое решение организаторов?

Проекты оказались очень разными, их было сложно сравнивать, поэтому требовалось выделить по одному в каждой группе. Сопоставить проект Герасимова и Чобана с предложением «Рождественки», например, было бы проблематично. У «Рождественки» работа скорее является градостроительным приспособлением, в то время как у консорциума мастерских Герасимова и Чобана есть крайне детерминированное (порой, возможно, слишком жесткое) градостроительное решение, – в целом, характерный для этих архитекторов почерк.

Если говорить о работах петербуржцев: можно ли здесь увидеть черты, характерные именно для архитектуры в нашем городе, соответствующие сложившейся здесь школе?

Я бы очень хотел верить, что петербургская школа продолжает существовать. Наверное, она проявляется в отношении к среде, к формированию ранжированных пространств (улица – двор – площадь). Впрочем, я не убежден, что создание квартальной структуры с абсолютно замкнутыми дворами должно стать обязательным для новой застройки. Вообще, петербургская школа никогда не исчезала: применительно к советскому периоду можно вспомнить Тракторную улицу, послевоенные кварталы в Старой деревне – и в то же время Ивановскую улицу, проспекты Московский, Энгельса и Стачек. Когда дома растут, расширяется пространство; петербургская школа развивается от одного исторического периода к другому, но остается неизменным все тот же «строгий, стройный вид». Даже позднесоветские новостройки во многом продолжали эти традиции. Например, когда я пришел в ЛенНИИпроект, шла разработка планировки района озера Долгое. Это было завораживающее градостроительное действо – Комendantский проспект назвали «шпагой». В ее «эфесе»

✎ Юрий Земцов («Земцов, Кондаин и партнеры»). «Пилотная» территория «Екатерингоф» Yuriy Zemtsov (Zemtsov, Kondiayn, and Partners). Yekateringof pilot area

replacing it in part with non-armful industries. From the point of view of preserving the manufacturing function and endowing it with a modern resonance, of particular interest is the project by Studio 44, which leaves the framework of railway lines where it is so that the factories can continue to function. It's also important that Nikita Yaveyn [Studio 44] identifies particular plots of land which are interlocked with one another in a functional cycle. This makes it possible to realize a stage-by-stage approach to transforming the 'grey belt'.

The competition prize was awarded to three companies – and not to just one, which means there was no Grand Prix. What was the reason for this decision?

The entries were very different, it was very difficult to compare them, so we had to pick out one winner in each group. To compare the project by Gerasimov and Tchoban with the proposal from Rozhdestvenka, for instance, would be problematic. Rozhdestvenka's entry is more of an urban-planning adaptation, while Gerasimov and Tchoban's is an extremely determined (in places too rigidly determined) urban-planning solution – something which is in general typical of these architects.

With regard to the entries from Petersburg architects, can we see here features which are characteristic of the architecture of our city and correspond to the Petersburg school?

I would very much like to believe that the Petersburg school of architecture continues to exist. This school is manifested, I think, in an attitude to context, to the creation of a hierarchy of spaces (street – courtyard – square). However, I'm not convinced that creation of a structure based on the street block with absolutely enclosed courtyards should be mandatory for new development. In general, the Petersburg school hasn't disappeared: we may recall Traktornaya Street in the Soviet period, the post-war street blocks in Staraya Derevnaya, and at the same time Ivanovskaya Street and Moskovsky, Engelsa, and Stachek avenues. When the houses grow, the space expands; the Petersburg school develops from one historical period to another, but the city's 'strict, elegant appearance' remains unvarying. Even the late-Soviet novostroyki ['new buildings'] largely continued this tradition. For instance, when I started at LenNIiproekt, it was working on planning the district around Lake Dolgoe. This was a fascinating piece of urban planning. Komendant'sky Prospekt was known as the 'sword'. In the 'hilt' of the sword a cluster of high-rises was planned, with three streets diverging radially from this spot. The project was based on a rigid compositional structure. I think St Petersburg traditions can be developed today too.

An important element of the Petersburg school is the so-called ensemble-based approach which treats space as always more important than the individual architectural volume. We saw several strategies employed by the competition entrants. MLA+ proposed the idea of a 'third Petersburg' – an organic combination of the pre-Revolutionary, Soviet, and post-Soviet. Plotkin's project, on the contrary, envisages a completely new city living by its own rules. And other entrants tried, on the contrary, to introduce ensemble-based ideas into the grey belt on another scale (Tchoban and Gerasimov) or to conserve and then fill with new life the existing situation with its special atmosphere (Studio 44). What vector would you regard as having priority for the 'grey belt'?

I think all the entrants showed a 'third Petersburg'; this was the goal of the competition. Of course, I can't imagine that we shall begin reproducing the forms of historical Petersburg point for point. But there could be a city which grows out of St Petersburg. And the ensemble principle should indeed be given a new interpretation. St Petersburg has no chaotic development; that would harm it. There is, of course, something

планировался кластер высотных общественных зданий, и отсюда радиально расхолись три улицы. В основе проекта лежало жесткое композиционное построение. Думаю, развитие петербургских традиций возможно и сегодня.

Важная составляющая петербургской школы – так называемый ансамблевый подход, при котором пространство всегда важнее отдельного объема. Мы увидели несколько стратегий, примененных участниками конкурса. MLA+ предложило идею «третьего Петербурга» – органическое соединение дореволюционного, советского и постсоветского; у Плоткина, наоборот, совершенно новый город, живущий по собственным законам; кто-то стремился, напротив, ввести в «серый пояс» ансамблевые идеи в ином масштабе (Чобан и Герасимов), а кто-то – зафиксировать и наполнить новой жизнью существующее положение, с его особой атмосферой («Студия 44»). Какой вектор, на ваш взгляд, приоритетен для «серого пояса»?

Думаю, все показали «третий Петербург», в этом и состояла задача конкурса. Конечно, я не могу себе представить, что мы начнем воспроизводить формы исторического Петербурга точь-в-точь. Но мог бы возникнуть город, вырастающий из Петербурга. И ансамблевость, действительно, должна получить новую интерпретацию. Петербург лишен хаотичной застройки, она ему претит. Есть, конечно, особая специфика самого промышленного пояса, с которой работал, к примеру, Явейн, но это все-таки не продолжение того, что мы имеем в виду, когда говорим «Петербург».

Сегодня вне пределов зон регулируемой застройки возводится жилье, весьма далекое от петербургских традиций. Насколько реально возвращение к ним на градостроительном уровне?

Оно реально, если мы вернемся к утверждению документации, тождественной проектам детальной планировки: это были проекты, охватывавшие территорию в десятки кварталов. Если мы вернемся к проектированию в таких масштабах, то у нас появится планировочный каркас, в котором мы сможем задавать пространственную и функциональную структуру территории, сочетать в единой концепции открытые и застроенные пространства, определять места для доминантных объектов. Потом, уже на уровне проектов межевания, можно будет определять характер застройки кварталов. Эта идея вызревает в нашем комитете. Если нам удастся ее реализовать, то мы вернем композиционное проектирование. Медленно, но верно.

В разные периоды в развитии города были разные векторы и, соответственно, территории, куда направлялись лучшие архитектурные силы. В начале XX века это был Каменноостровский проспект, в середине столетия – Московский. Сейчас нет впечатления, что выбран какой-либо вектор. В определенный момент возникло ощущение, что мощное архитектурное действо разыгрывается в районе «Морского фасада» – на намывной территории. Были идеи (правда, скорее художественного свойства) развивать город вдоль Невы – в сторону Ладоги. Теперь – «серый пояс». Какое направление все же окажется приоритетным?

Развитие вдоль Невы во многом определено. Там есть утвержденные проекты планировки, и мы их будем реализовывать. С «Морским фасадом» ситуация проблематичная – нет самой земли. Компания «Терра Нова» не выполнила обязательства по формированию земельных участков в оговоренные сроки. Кроме того, «Морской фасад» увидят в основном туристы: эта территория практически не обозреваема изнутри городских пространств, а от курортной зоны отрезана кольцевой дорогой. Поэтому, конечно, приоритетным окажется «серый пояс».

– МЫ ВЕРНЕМ КОМПОЗИЦИОННОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ. МЕДЛЕННО, НО ВЕРНО

– WE SHALL BRING BACK COMPOSITIONAL PLANNING. SLOWLY, BUT SURELY

special about the industrial belt itself; this is something which Yaveyn, for instance, worked with – but it's not, at any rate, a continuation of what we mean when we say 'St Petersburg'.

Today, if you go outside zones of regulated development, you see housing which is extremely far from the Petersburg tradition. How realistic is a return to Petersburg tradition on the level of urban planning?

It's realistic if we return to approving documentation identical to the detailed planning projects [of the past]: these were projects encompassing a territory of dozens of hectares. If we return to planning on this scale, we shall have a planning framework in which we can set a spatial and functional structure for the territory, combine open and built-up spaces in a single concept, and determine locations for the dominant structures. It will then be possible – at the stage of demarcation plans – to determine the character of the street blocks. This is an idea which is ripening in our committee. If we are able to realize it, we shall bring back compositional planning. Slowly, but surely.

At different periods in the development of the city there have been different vectors and, accordingly, territories which have attracted the best architectural forces to work on them. At the beginning of the 20th century one such area was Kamennooostrovsky Prospekt, while in the middle of the century it was Moskovsky Prospekt. Right now, there is no sense of a vector having been chosen. There was a moment when you had the feeling that a powerful architectural action was being played out in the Morskoy Fasad district – the area of reclaimed land at the eastern tip of Vasilevsky Island. There have been ideas (admittedly, ideas which can probably be best described as 'artistic') to develop the city along the River Neva – towards Lake Ladoga. Now there is the 'grey belt'. Which direction will turn out to be more important?

Development along the Neva is largely determined. There are approved planning projects and we shall realize them. As for Morskoy Fasad, the situation is difficult: there is no land as such. Terra Nova has failed to carry out its obligations for creating plots of land to the agreed deadlines. Moreover, Morskoy Fasad will mainly be seen by tourists: it's almost impossible to get a proper view of this area from within the city and it's cut off from the city's beach zone by the ring road. So, of course, it's the 'grey belt' which will have priority.

✎ Представители бюро MLA+. «Пилотная» территория «Волковская» MLA+ bureau members. Volkovskaya pilot area

